

United States Holocaust Memorial Museum

Interview with Lidia Grigorievna Solovieva
RG-50.572*0069

Интервьюер: Здравствуйте.

Респондент: Здравствуйте.

Интервьюер: Спасибо, что Вы опять согласились поговорить сегодня с нами после того, как мы с Вами встречались в прошлый раз. Мы, как обещали, приехали сегодня, чтобы уже снять на видео Ваши воспоминания. Для начала назовите, пожалуйста, Ваше имя и фамилию.

Респондент: Соловьёва Лидия Григорьевна. С тридцатого года.

Интервьюер: Где Вы родились?

Респондент: А?

Интервьюер: Где Вы родились?

Респондент: На Украине.

Интервьюер: И где Вы жили в момент начала второй мировой войны?

Респондент: Ну, как с трёх лет я уже в Дубоссарах была, так и живу до сих пор.

Интервьюер: Ага.

Респондент: В Дубоссарах.

Интервьюер: И в сорок первом году Вы тоже в Дубоссарах находились?

Респондент: Да. Да.

Интервьюер: Скажите, пожалуйста, что именно Вы наблюдали в Дубоссаре, что относится к евреям? К судьбе евреев во время войны? Что Вы, лично, видели?

Респондент: К евреям?

Интервьюер: Да.

Респондент: Ой, евреи. Евреи бедные. Сколько издевались эти немцы над ними. Их закрывали в домах, не пускали их никуда. В городе, когда были немцы у нас, так мы — ну, сколько нам там было лет, и бежали за этими немцами, кричали «Фрицы, фрицы! Вы что пришли сюда?» Капут, говорим, вам! «Капут! Яйки, курки собираете у людей» И палками сзади лупили мы их. Нам так было зло, что они всё, сколько здесь они гадостей натворили нам, сколько они издевались над людьми. А потом уже, когда отступали, они убегали. Кто на лошадях, переплывали этот Днестр наш. Вот, кто куда. А которых взяли в плен, то даже не знаю, куда-то увели они их. Не знаю, куда в плен.

Интервьюер: Скажите, пожалуйста, за всё время войны Вам лично приходилось наблюдать какие-то сцены убийства мирного гражданского населения?

Респондент: Населения?

Интервьюер: Вы лично видели, чтобы кого-нибудь убивали, расстреливали когда-нибудь?

Респондент: А, ну это я видела ещё, когда ещё это во время войны. Когда расстреливали — там были специальные уже траншеи эти глубокие, траншеи. И они, значит, вызывали — там был подвал; в подвале было полно людей. Комсомольцы были, и евреи были, и русские были. Вот. И, когда они вызывали их, одного там вызвали мужчину — кто он не знаю, русский или кто он. И девочка у него была. И вот он вышел и кричали не него, чтоб он раздевался до гола. А он не хотел, ему было совестно перед ребёнком раздеваться догола. И они его начали бить. Били его, а девочка кричала: «Папочка! Папочка! Разденься, папочка!» Ну, и что?! Всё равно поубивали их. Потом, там их было очень много, их всех-всех там поубивали в этих траншеях и закапывали. И там, где я жила, у нас была тут церковь, вот. А мы в сторожке жили церковной, нам дали так, как новосемейная семья была. Вот, и матери дали. И что я видела?! Как они запалили эту больницу. Это больница была. Как она горела. А мы бегали — не знали что такое, чего. Смотрим дым идет и дым -- а еще как раз снежок был. Ну, это, наверное, из под крыши идет этот снег. Когда посмотрели, а это горела больница. И вот там, значит, когда мы -- бабушка одна была старенькая такая и к этой бабушке мы ходили всё время, дети к ней. И вот и раз, значит, думаю — что человек крутится, крутится, крутится?! Вот. Думаю, что он смотрит там?! Вот там, где этот самый подвал, где все там в подвале. Потом я взяла как-то выскочила. Я посмотрела на забор этот, а он оказался вешанный. Повесили его.

Интервьюер: Ага. Человека?

Респондент: Да. Как сейчас вижу — желтая рубашечка у него и так у него это, как резиночки ставили раньше, знаете? Что длинный рукав и резиночки вот так у него. И вот он так и был. Это его повесили.

Интервьюер: Скажите, пожалуйста, Вы жили где-то вблизи этого подвала или далеко от подвала?

Респондент: Нет, не далеко мы жили. Мы жили вот именно, что мы жили близко-близко там.

Интервьюер: Сколько, примерно, метров Вы жили?

Респондент: Ну, где-то километр. Может полтора, не больше.

Интервьюер: Километр или полтора от этого подвала?

Респондент: Да, да. Не больше.

Интервьюер: Вот Вы говорите, что в этом подвале было много людей и что там были --

Респондент: Да, но я не знаю сколько. Не знаю сколько.

Интервьюер: Но, дело идет о десятках или о сотнях человек?

Респондент: Не могу, Людочка, сказать это. Не могу. Потому что там они были — они же не выходили все. Одного позвали и он вышел, а остальные не выходили.

Интервьюер: А кто охранял этот подвал? Если там была охрана.

Респондент: А кто?! Немцы. Кроме немцев кто?

Интервьюер: там были немцы?

Респондент: Конечно. Это ж немцы всё делали.

Интервьюер: И много охранников было?

Респондент: Да нет. Да сколько там! Если немец один будет стоять, так кто туда? никто не зайдёт и не выйдет оттуда.

Интервьюер: То есть там был один немец?

Респондент: Да, где-то один он был. Да.

Интервьюер: А когда Вы видели вот, что вывели этого человека с девочкой — это оттуда вывели? Из этого подвала?

Респондент: Да. Да, с подвала. С подвала.

Интервьюер: А как Вы там оказались на тот момент, что увидели?

Респондент: А я ж говорю, что у бабушки были. И когда человек шёл, который висел, и мы на заборчик — я вот так встала на заборчик и посмотрела. Говорю, что ж он так крутится там?! Когда посмотрела — он повешенный.

Интервьюер: Это Вы говорите про то, как Вы увидели повешенного человека?

Респондент: Да. Вот. И вот в том же подвале. Это вышел человек с того подвала с девочкой.

Интервьюер: Это в тот же самый день Вы увидели и повешенного, и --

Респондент: да. Я не знаю, чего они вызвали его. Что они хотели, всё. Но они сказали, чтоб он раздевался догола, но он не согласился.

Интервьюер: Ага, то есть --

Респондент: он говорит «мне совестно, стыдно, девочка моя, дитё». И он не разделся. Но били его, и кричал он. И девочка «Папочка, разденься! Папочка, разденься!» и потом я ушла. Не знаю, что там было дальше.

Интервьюер: И девочка, и отец — они кричали на каком языке?

Респондент: На русском.

Интервьюер: На русском кричали?

Респондент: да.

Интервьюер: а сколько солдат, те, которые вывели, сколько их было?

Респондент: Да не, там один человек. Видно был немец и всё. Не видно было.

Интервьюер: Один человек вывел его из подвала?

Респондент: не видно было, да. Не видно было кто там ещё там. Один был, да. Только один был.

Интервьюер: А немец - Вы слышали, как он говорил ему, чтобы раздевался?

Респондент: Он по-русски говорил.

Интервьюер: Этот немец, он говорил по-русски?

Респондент: Да там, может быть, и немец. И может быть даже и есть были, что может быть и наш какой то, что знаете, были ж такие люди, что продавали свою душу. Так что по-русски говорил, да.

Интервьюер: И они требовали, чтобы он разделся?

Респондент: Да, да.

Интервьюер: прямо там должен раздеваться?

Респондент: Ну, да. Вот --

Интервьюер: Возле порога?

Респондент: Да, да. Вот вывели — вышел он с этого подвала и там, чтоб он и разделся. Но девочка кричала «Папочка!». Он не хотел. А он его били и девочка кричала «Папочка, разденься! Папочка, разденься!» И я так ушла. Не знаю дальше, что там было у них.

Интервьюер: Вы сразу ушли?

Респондент: Я ушла. Я не могла, не могла терпеть. Мне было тоже жалко и ребенка, и человека тоже.

Интервьюер: А сколько, примерно, времени Вы там пробыли? Вот, когда наблюдали этот эпизод.

Респондент: Ну, пусть минут десять, наверное. Не больше. Потому что я ушла, я не могла смотреть такое горе.

Интервьюер: То есть, Вы видели, когда их вывели или, когда Вы видели, они их уже вывели на улицу?

Респондент: Ну, его на улицу вызвали, видно. Он вышел с девочкой. А кто у него, была у него жена там, была мать или не было — неизвестно. Сколько их там было в подвале — неизвестно.

Интервьюер: И Вы говорите, что их убивали и закапывали в какую-то яму или какие-то ямы?

Респондент: Да, траншеивки глубокие. Траншеи выкапывали.

Интервьюер: Кто?

Респондент: Вот там, где я жила, так — ой, я своими глазами видела. Там у нас, значит, была кукуруза что ли сложена. Я уже не помню что. Или ржи — что-то такое. Ну, я тоже мала была тогда. И, когда смотрю, привели несколько человек, и было потом известно, что это все комсомольцы были. Молодые.

Интервьюер: Это потом Вы от других людей узнали, что?

Респондент: Вот. Да. Нет, я видела, как их привели. Но я же не могла — если б они меня увидели, то меня б тоже убили бы.

Интервьюер: Но Вы не знали, кто они, да?

Респондент: да. Но это молодежь была. И вот они как были ряд — наверное, человек десять их было. Как были в ряд и поцеловались друг с другом. Друг друга целовали, прощались. Говорю и душа болит. И потом это, их всех побили. Сказали «на коленки». Они все встали на коленки, повернулись к яме и они их всех вот в шею построчили сразу. И они все попадали. И, когда они попадали, я еще подошла, посмотрела. Думаю, куда ж они стреляют в них. Оказывается, сюда вот, прямо в шею. И так они всех бедненьких побили их. И после того мы ещё кольцо нашли, золотое кольцо нашли. Там у нас огород был, и копали огород, и нашли кольцо золотое. Это кольцо кто-то снял и выбросил. Думает, кто-то может найдет и вспомнит чьё-то кольцо. В общем, жуть.

Интервьюер: Эта сцена расстрела, которую Вы видели, она происходила вблизи от Вашего дома?

Респондент: Да, да. Конечно, близко. Мы ж там. Я ж говорю, что там была церковь и мы жили там в сторожечке. И вот это на нашем месте там стреляли их.

Интервьюер: Примерно сколько метров это находилось от Вашего дома?

Респондент: Ну, метров. Сколько можно... метров может сто. Я думаю не больше даже.

Интервьюер: От Вашего дома?

Респондент: Да, от дома.

Интервьюер: А как Вы оказались на том месте вот в момент расстрела? Случайно? Или Вы слышали какие-то звуки и пришли туда?

Респондент: Я пришла, когда уже немцы ушли. А я пошла. Думаю, куда ж они их стреляли?! Может, они живые ещё, но никакого стога не слышала, ничего. И я быстро ушла оттуда. Думаю, если увидят — тут и я буду с ними.

Интервьюер: Но Вы видели, как немцы туда их привели?

Респондент: Ну, да.

Интервьюер: Видели, как их вели туда к яме?

Респондент: Да, привели. На коленки всем сказали. Они все --

Интервьюер: Вы знаете, откуда их привели?

Респондент: Ну, их вот привели — даже не знаю. Мне кажется, что может вот и с этой больницы, где они там находились.

Интервьюер: Из этого подвала, Вы имеете в виду?

Респондент: Не знаю, откуда они их привели, но факт то, что они привели их туда.

Интервьюер: А сколько немцев было с ними?

Респондент: Да один был немец. Один. А что, один всё сделает. Они построчили сразу и всё. Не пулемётом, а этот — есть же такой автомат или что-то.

Интервьюер: Вы говорите, что они были молодыми?

Респондент: Молодые были. Комсомольцы все были. Молоденькие все. Дети были. Дети, потому что я видела их.

Интервьюер: Там были мужчины и женщины?

Респондент: Девочки, мальчики были. Я же говорю, как стояли в ряд.

Интервьюер: Подростки, в смысле?

Респондент: да. как стояли в ряд — ну, может быть, я знаю, может по пятнадцать было им, может по шестнадцать. Я не могу сказать это. Но они как стояли все вместе, попрощались друг с другом, как стояли — на коленках попрощались, и их побили.

Интервьюер: Их привезли раздетыми или одетыми?

Респондент: Нет, одетых. И убивали одетых.

Интервьюер: И убили тоже одетых?

Респондент: да. так, как они были — так их поубивали.

Интервьюер: У них были какие-то предметы с собой или ничего не было?

Респондент: Нет, ничего не видела я. Я вот их смотрела в ту яму, но ничего не видела я.

Интервьюер: А Вы с какого расстояния наблюдали всю сцену?

Респондент: Ну, как?! Там близко мне было, я ж уж очень близко. Видела, как их стреляли, как они прощались.

Интервьюер: Ну, близко – в смысле несколько метров?

Респондент: Ну, около дома. Да.

Интервьюер: С около дома?

Респондент: Да, там близко.

Интервьюер: То есть, это с расстояния ста метров?

Респондент: Да, около дома. Там близко было.

Интервьюер: Если бы, например, Вы могли — если бы там были знакомые, Вы могли бы их узнать? Вот с этого расстояния?

Респондент: Конечно. Нет, знакомых не видела я. Ни одного. Это, наверное, привезли откуда-то и побили детей. Ой, жуть.

Интервьюер: И Вы видели, как этот немец стрелял в них?

Респондент: Конечно, видела. Он же быстро прострочил их и всё.

Интервьюер: Всех сразу?

Респондент: да. Вот так держал и сразу прострочил, и они все попадали.

Интервьюер: А какое оружие у него было? Как оно выглядело?

Респондент: Ну, наверное, автомат.

Интервьюер: Как бы он лежал на земле или он стрелял стоя?

Респондент: Нет, в руках. В руках держал. В руках.

Интервьюер: И после того, как этих людей убили, да? Этот немец сразу ушёл или он --

Респондент: конечно ушёл. Там никого не было уже.

Интервьюер: И не пытались их закопать?

Респондент: Да, да, да. Они ещё насобирали, а потом уже стреляет. А потом уже эта яма уже наполняется побольше, да. Потом они их только закапывают.

Интервьюер: А каких диаметров, примерно, была яма?

Респондент: Ну, яма там большая была, глубокая. Глубокая была яма, может быть метра три.

Интервьюер: Три метра глубины, Вы имеете в виду?

Респондент: Да, да. Я имею в виду, да.

Интервьюер: А ширины и длины?

Респондент: А ширины. Ширины... а ширину я, что-то, не знаю уже. Ну, ширина, наверное, где-то метр тоже была. А может даже полтора, широкая такая.

Интервьюер: А длины?

Респондент: Ага.

Интервьюер: А какой длины?

Респондент: А длина - длина была, наверное, метров пять. Длина была.

Интервьюер: И там была только одна яма?

Респондент: да.

Интервьюер: и когда Вы подошли, вот, и посмотрели, что Вы увидели? Когда Вы подошли и посмотрели?

Респондент: А что? Кровь увидела, побитых и всё. И даже не стонал никто, ничего. Я подошла, думаю - ну, если может быть кто-то живой бы, может быть как-то можно было спасти, но не было никого. Ни стопа, ничего. Они их сразу убили.

Интервьюер: Они сами упали вот в эту яму или их?

Респондент: Конечно. Конечно, если они постреляли — они упали в яму.

Интервьюер: Как долго Вы пробыли вот возле этой ямы? После того, как немец ушёл?

Респондент: Побил? Я долго не была там. Я только посмотрела и ушла. Потому что, думаю, если заметят — там же они рядом были. Я думаю, убьют и меня.

Интервьюер: И Вы видели следы от пуль на телах?

Респондент: Не, следы — нет. Кровь видела.

Интервьюер: Кровь?

Респондент: Следы от пуль я не видела.

Интервьюер: Ну, Вы говорите, что Вы поняли, что их стреляли в шею.

Респондент: В шею, да.

Интервьюер: Как Вы поняли это?

Респондент: Ну, потому что кровь вот так. Из шеи так.

Интервьюер: После этого Вы видели, как привозили ещё каких-либо людей? Или Вы просто предполагаете, что --

Респондент: нет, после того я не видела. Может быть их еще приводили, может быть меня дома уже не было. Такое страшилище видеть — я тоже уходила. Уходила. Или к подружкам пойду, или в город пойду.

Интервьюер: Ну, Вы выстрелы слышали как бы еще?

Респондент: Нет. Тогда я слышала, а больше не слышала. Больше не видела я.

Интервьюер: А в городе Вы видели, чтобы евреев где-нибудь собирали или держали где-нибудь в других местах?

Респондент: А вот в городе, Вы знаете, в это время мы были в подвале, все в подвале. Нам потом сказали, что надо всем-всем в подвал идти туда в город. Там подвал большущий такой был и там все-все были — и с деточками, и взрослые, и женщины, и дети, и мужчины. Ну, всяких лет были там. И вот я помню, когда услышала я, значит, что самолёт летит — а я что-то вот бойкая видно была что ли — и вышла смотреть. Стоит один мужчина и самолёт летит. Он вот так показывал, что здесь люди, чтоб он бомбил. И я потом, как увидела, и зашла в подвал и говорю: «товарищи, там мужчина показывал. Самолёт летел. Показывал, что здесь люди, чтоб бомбил он. Разбомбил весь подвал этот» Потом вышел не помню кто, куда этот человек делся — не знаю. Но не стреляли, не бомбили, ничего. Все мы были живые там.

Интервьюер: А евреев как бы еще в Дубоссарах были? Держали где-нибудь? Собирали? Вы не знаете?

Респондент: Ну, евреев — евреев очень много побили.

Интервьюер: А Вы откуда знаете?

Респондент: Ну, потому что это вот ямы ж есть где-то тут у нас тоже ведь. В ямы их убивали, вот.

Интервьюер: Но Вы не видели, как это происходило?

Респондент: Ну, не видела. Что не видела, то я не видела. Как их стреляли, что — нет.

Интервьюер: А вот тело этого мужчины, который был повешенным на дереве?

Респондент: Ага.

Интервьюер: Это дерево где находилось?

Респондент: Оно находилось там, где стреляли их, где убивали. Оно там и находилось в той больнице.

Интервьюер: Где был вот этот подвал?

Респондент: да, да, я ещё сказала — я говорю «а там такие груши хорошие были». И я всегда груши там кушала, рвала. А когда увидела этого повешенного, сказала: «Всё. Больше я сюда никогда. Ни одной грушки не сорву. Не пойду в то место».

Интервьюер: место расстрела от подвала как далеко было?

Респондент: Как их расстреливали?

Интервьюер: Вот да. там вот, где их расстреливали.

Респондент: Близко. Совсем близко.

Интервьюер: Совсем близко?

Респондент: да. вот так был забор. Около забора эта вот траншея.

Интервьюер: Вы имеете забор от больницы?

Респондент: да.

Интервьюер: и, получается, что через забор просто?

Респондент: Да, но они за забором больница эта и они там во дворе.

Интервьюер: Даже во дворе больницы были ямы?

Респондент: Да, да, да, да. Конечно.

Интервьюер: То есть, Вы видели расстрел практически на территории этой больницы?

Респондент: Да, на территории. Да, да. Этой больницы. Страшно было.

Интервьюер: Видели ли Вы ещё какие-нибудь эпизоды расстрела или убийств, или насилия против мирного гражданского населения?

Респондент: Нет. Это я не видела.

Интервьюер: Спасибо Вам.

Респондент: Это я не видела.

Интервьюер: Есть ещё несколько вопросов, которые я хотела бы задать Вам. Скажите, пожалуйста, Вы не помните вот этот расстрел, который Вы лично наблюдали, когда он происходил? Может быть год, месяц — если Вы помните?

Респондент: Ой, не помню я ни месяца, ни года.

Интервьюер: Ага. Но Вы помните хотя бы, если бы это было в начале войны или уже к концу войны?

Респондент: Да тогда ж ещё войны неслышно было даже.

Интервьюер: Не помните?

Респондент: Нет.

Интервьюер: Есть такой вопрос. Вот Вы говорите, что в этом подвале там были и комсомольцы, и евреи, и русские. Откуда Вы знали, как Вы знали, кого там держали?

Респондент: Нет, комсомольцы были те, которые убивали их. А в подвале — я не знаю, кто там был.

Интервьюер: В подвале — вы не знаете?

Респондент: Я не знаю. Я ж не видела, не была там.

Интервьюер: Ага. А --

Респондент: были там люди, а сколько их, чего — я не знаю.

Интервьюер: Вы не знаете никого?

Респондент: Нет, я не знаю.

Интервьюер: И этот человек с девочкой - Вы тоже не знаете?

Респондент: Нет, нет. Вот его вызвали и всё, он вышел. А сколько их там было — не знаю.

Интервьюер: А тогда во время войны убивали кого-нибудь, как бы вот взрослых и детей? Убивали?

Респондент: Нет, это я не видела.

Интервьюер: Скажите, пожалуйста, на том месте, где Вы видели расстрел, там есть какой-нибудь памятник сегодня?

Респондент: Не знаю. Нету, наверное.

Интервьюер: Не знаете?

Респондент: Ну, не могу знать. Не знаю. Я там очень давно не была на том месте. Не знаю как там сейчас.

Интервьюер: Ага. А --

Респондент: уже здесь я живу с сыном вот сорок девять лет. А уже то место не знаю - как там оно, что там делается, кто там живёт или что. Ничего не знаю. В тех краях не была я уже.

Интервьюер: А сколько времени Вам обычно нужно было, чтобы пройти от Вашего дома тогда до той старой больницы? За сколько минут Вы бы прошли?

Респондент: Минут сколько?

Интервьюер: Ага.

Респондент: Да минут десять. Даже и это, наверное. Пусть десять, допустим. Минут десять, рядом прямо.

Интервьюер: Довольно близко.

Респондент: Рядом.

Интервьюер: В принципе, это всё, о чём мы хотели спросить. Спасибо большое.

Респондент: Пожалуйста.

Интервьюер: Всего доброго.

Респондент: Будьте здоровые.